

Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности

С. К. Нартова-Бочавер,
кандидат психологических наук

Цель данной работы состоит в том, чтобы обосновать и определить понятие «психологическое пространство личности» и очертить перспективы его применения в различных областях психологической науки и практики. При этом нас интересуют в основном не онтологические или гносеологические, а сугубо прагматические аспекты данного термина, а именно как это понятие можно операционализировать, какие методы его диагностики и исследования могут быть использованы и, наконец, как эти теоретические разработки могут реализоваться в практической психологии (например, для создания программ индивидуальной психотерапии и тренингов личностного роста). Итак, два основных направления разработки конструкта мы можем представить как раскрытие его феноменологии и понимание генезиса.

Описывая субъективное бытие человека, современные психологи с неизбежностью используют понятия, традиционно применяемые для описания объективного бытия. Так, они говорят о внутреннем мире человека [7], о жизненном мире [4], о факторе места и обособлении личности [12], а также о категориях, имеющих отношение к объективному существованию человека, — психологическом времени и пространстве [4, 7, 12]. Более того, понятия, изначально имеющие чисто топологическое содержание, такие, как «пространство» (внутреннее, психосемантическое, социальное), «дистанция», «выше — ниже», «ближе — дальше», «границы», «барьеры», также нередко используются в практической психологии. Отмечая принятие топологической терминологии психологами, нам бы хотелось, во избежание диалога на языке псевдопонятий, более точно очертить реальность, обозначаемую термином «жизненное пространство личности».

К формулированию и исследованию проблемы психологического пространства нас побудили материалы, накопленные в течение нескольких лет работы в консультативном центре НИИ детства Российского детского фонда. Было замечено, что случаи агрессивного поведения, вандализма, домашнего и школьного воровства детей и подростков нередко имели место в тех ситуациях, когда потребность ребенка в личном жизненном пространстве была ущемлена (депривирована) с самого начала его жизни либо в результате стрессовых для ребенка событий (например, появления в семье отчима). И чем сильнее было вторжение взрослых в частную жизнь ребенка (чтение дневников, обобществление игрушек, непризнание личной собственности на вещи), тем более резкой была ответная реакция (воровство, уход из дому и т. д.). Известно, что асоциальные тенденции детей, прошедших начало жизни в детском доме, очень устойчивы и слабо корректируются даже в случае усыновления и, соответственно, перехода в семейный дом.

Помимо наблюдений психологов-практиков обоснованием понятия могут служить данные этологии: учение об инстинктах и территориальном поведении животных, развивае-

мое, в частности, К. Лоренцом, об эмпирическом «я», созданное У. Джемсом, теория поля К. Левина, учение о социальном диалоге М. Бубера, идея диалектической связи внешнего и внутреннего, развиваемая в работах отечественных психологов — С. Л. Рубинштейна, Э. В. Ильенкова, А. Н. Леонтьева. Эти направления психологической мысли, соприкасаясь с заявленной нами проблемой, тем более четко обозначают лакуну, существующую вокруг обоснования феномена жизненного пространства личности.

Некоторым аналогом психологического пространства личности может служить явление территориальности у животных, описанное в работах К. Лоренца и Н. Тинбергена, состоящее в том, что для выживания и размножения каждая особь должна обладать своим собственным ареалом обитания, границы которого определяются эволюционной необходимостью (это та территория, на которой имеется достаточно корма и площадь которой особь в состоянии защищать) [10, 16]. Границы территории охраняются посредством агрессивного поведения, а посторонняя особь допускается на нее только в случае брачных намерений. Хозяин и гость при этом обладают существенно разными правами. Таким образом, границы отделяют индивидуальную жизнь особи (или частную жизнь, как это принято говорить о людях) от жизни видовой, общественной, публичной, «общего места». То есть и у животных они не совпадают, причем это несовпадение эволюционно оправдано. Наличие личной, индивидуальной территории является, таким образом, важнейшей составляющей нормальной жизнедеятельности живого существа, обеспечивающей его безопасность.

Реальное или предполагаемое изменение границ индивидуальной территории служит сигналом для специфического поведения особи: либо защиты прежних границ посредством агрессивно-оборонительного поведения, либо посредством бегства до места большей безопасности. При этом зоной особой психологической напряженности является граница личной и чужой территории.

По мнению исследователей инстинктивных основ поведения К. Лоренца и Н. Тинбергена, эти инстинктивно закрепленные образцы поведения, сложившиеся в течение тысячелетий, нельзя считать вполне «отмененными» и у человека. Несмотря на контроль со стороны высших психических функций, территориальное поведение человека также имеет место. Частично оно трансформировалось в социальные инстинкты, т. е. неосознаваемые правила поведения человека по отношению к другим людям и группам людей, а также перешло во внутренний план, проявляясь в динамике внутреннего мира личности.

Поскольку человек в своем бытии так же нуждается в материальных, как и в духовных условиях существования, то и переживание «свое — чужое» у него начинает относиться к социальным, философским, эстетическим предпочтениям настолько, что даже «чистая» идея также может становиться предметом отторжения или защиты. То есть «пространство» человека расширяется.

Измерения психологического пространства — это «контурные точки» описания личности, которая может быть устроена и просто, и сложно. Близкими по содержанию понятиями являются идентичность (тождественность самому себе), эмпирическое Я (включающее в себя составные части), Я-концепция (представляющая собой рефлексию бытия), самость (неосознаваемая основа жизни личности).

Мы можем назвать среди психологов, использовавших данное или близкие по смыслу понятия, представителей различных авторитетных направлений психологии личности. Одним из первых на смешанную природу личности указал У. Джемс, понимавший Я как хозяина всех психических функций, как общую сумму всего того, что он может назвать своим: в нее должны быть включены не только физические и душевные качества человека, но и некоторые предметы, принадлежащие ему, и люди, имеющие к нему некоторое определенное отношение, привычки и вкусы [5]. Рассматривая составные элементы личности, У. Джеймс разделил их на три класса: физическую личность, социальную личность, духовную лич-

ность. Таким образом, У. Джемс одним из первых утвердил онтологическое равноправие фактов и феноменов в психологии личности.

Взаимопроницаемость внешнего и внутреннего в человеческой жизнедеятельности принималась психологами различных направлений. Сосуществование явлений личности, имеющих различную природу, отмечалось также А. Адлером, использовавшим понятие «индивидуальное жизненное пространство», и К. Левином, разработавшим этот конструкт в рамках теории поля [1, 8]. В индивидуальной психологии в жизненное пространство включается не только окружающая человека среда, но и его бессознательное. А К. Левин, отмечая контекстуальность и подвижность всех явлений внутреннего мира человека, стремился определить жизненное пространство так, чтобы оно включало все факты, обладающие существованием для человека, которое, в свою очередь, оно понимало как демонстрируемое воздействие на индивида. Так, исследуя то, что должно включаться в жизненное пространство, он отмечал, что существует соблазн включить чисто психологические явления, подобные мотивам, когнитивным схемам, целям, и исключить физические и социальные события, не оказывающие на человека прямого воздействия. Но есть пограничная область событий и процессов, которые обычно относятся к физическим, экономическим или правовым и, тем не менее, прямо воздействуют на индивида. Поэтому, считал К. Левин, они также должны включаться в жизненное пространство человека.

Итак, психологическое пространство личности — это субъективно значимый фрагмент бытия, т. е. существенный, выделяемый из всего богатства проявлений мира и определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека. Психологическое пространство включает в себя комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет (территория, предметы, привязанности, установки). Значимыми эти явления становятся благодаря обладанию личностным смыслом для субъекта, и потому границы психологического пространства охраняются физическими и психологическими средствами.

Пространство подвижно и зависит от интенсивности и осмысленности жизнедеятельности человека. Так, оно может «стягиваться» в случае возникновения сверхценной идеи или, что случается чаще, в состоянии влюбленности и расширяться при наличии «рыхлых» и неопределенных жизненных перспектив. Однако мы склонны рассматривать жизненное пространство скорее как устойчивую характеристику личности, чем как ее состояние. В пространстве можно выделить его объем, количество измерений, сохранность (устойчивость — подвижность границ). Оно развивается в онтогенезе и сочетается с другими качествами личности. Но наиболее важным, на наш взгляд, является прочность его границ, дающая человеку переживание суверенности собственного Я, чувство уверенности, безопасности, доверия к миру. Таким образом, не очень интересно, каким «метражом» исчисляется пространство, главное, чтобы оно было достаточным для субъекта.

Итак, это понятие весьма конструктивное и эвристичное. Можно предложить ряд направлений его применения в социальной, семейной психологии, в практике воспитания и психотерапии. Например, очевидно, что психологическое пространство, которое человек ощущает как свое, позволяет ему обособиться, отграничиться от мира предметов, социальных и психологических связей, представляющих собой фон, среду его жизнедеятельности. При этом состояние границ собственного психологического мира в значительной мере определяет отношение человека к элементам среды, т. е. его мироотношение в целом. В зависимости от того, воспринимается ли окружающий мир как чуждый или родственный, строится и собственная деятельность человека в нем.

Границы пространства диктуют отношение к малому и большому социуму — семье и друзьям, социальной группе, этносу, человечеству, и восприятие социума как «своего» или «чужого» определяет возможности для проявления конструктивных, житнетворческих тенденций, проводящих человека через прозрачные для него социальные границы. В противо-

положном случае эти границы могут блокироваться, ограничивая поле самоактуализации личности посредством возникновения ксенофобии различного масштаба — от житейской агрессивности до нетерпимости в масштабах социально-этнических групп. Мера переживания «своего» и «чужого», на наш взгляд, определяет способность личности к диалогу и совместному творчеству в любых сферах жизнедеятельности.

Попытка операционального определения пространства личности, его валидизации и эмпирического изучения была предпринята в ряде работ, выполненных под нашим руководством в стенах Московского открытого социального университета¹. В качестве измерений жизненного пространства мы решили рассматривать физическое пространство, вещи, друзей, привычки и вкусы (следуя структуре эмпирического Я, выделенного У. Джемсом). Выборка в общей сложности составляла 95 московских подростков.

Основным инструментом исследования был специально созданный опросник «Суверенность личного жизненного пространства», включавший в окончательном варианте 29 утверждений, соответствующих шести измерениям, выделенным нами теоретически. Содержание пунктов теста обсуждалось с экспертами, проверялось на дискриминативную силу. Приведем некоторые примеры утверждений теста: «Часто мне приходилось терпеть, когда родственники тискали и целовали меня» («Тело»), «Я всегда имел возможность поиграть в доме в одиночестве, когда мне этого хотелось» («Физическое пространство»), «В детстве я всегда был уверен, что без меня не трогают мои игрушки» («Вещи»), «Когда я хотел пригласить домой друзей, обычно мне это разрешали» («Друзья»). «Решение о том, как проводить каникулы, обычно принималось без меня» («Привычки»), «Случалось так, что одежда, которую я был вынужден носить, мне не нравилась» («Вкусы»). Теоретически общее число баллов могло составить от 0 до 29, медиана распределения проходила через значение 19 баллов, и испытуемых, набравших меньше баллов, мы условно называли «депривированными», а тех, кто набрал больше баллов, — «суверенными».

Работа по эмпирической валидизации метода подтвердила в тенденции обоснованность понятия: в группе детей, воспитываемых в приюте, «депривированными» оказались 8 из 11, а среди обычных школьников — 8 из 18.

Мы предполагали также установить реальную связь между характеристиками жизненного пространства и социально-психологическими особенностями личности. Согласно нашим предположениям, мироотношение человека (понимаемое нами как система установок на мир, характеризующаяся психологической дистанцией, агрессивностью — доброжелательностью, тождественностью) в значительной мере определяется тем, насколько защищенной была его собственная «территория» в раннем детстве — каков круг предметов, вещей, реального пространства, закрепленного за ребенком в личное владение и охраняемого внутрисемейными правилами. Отсутствие или сужение личного пространства, согласно нашим наблюдениям и предположениям, побуждает ребенка (и взрослого) вести борьбу за его расширение, приводя, с одной стороны, к эффектам «коммунальной психики» и непризнанию психологической дистанции между собой и другими людьми, а с другой — к агрессивно-экспансионистскому поведению.

Выделив при помощи методики «Несуществующее животное» группы «доброжелательных», «индифферентных» и «негативных» подростков, удалось подтвердить наличие связи между суверенностью личного жизненного пространства и доброжелательным отношением к миру (получено значение хи-квадрат, значимое на уровне $p < 0,01$).

В следующей серии исследовалась связь жизненного пространства с чертами личности, определяемыми при помощи опросника Р. Кеттелла.

¹ В работе используются материалы, полученные в дипломных исследованиях О. Валединской, С. Котомкиной, Е. Майтвийчук, К. Рыжер, И. Спиридоновой.

Были получены следующие результаты: две из десяти девочек имеют низкие баллы, восемь — высокие. Девять из пятнадцати опрошенных мальчиков получили низкие баллы и шесть — высокие. Таким образом, можно считать, что мальчики обладают более высокой чувствительностью к фактам депривации жизненного пространства (что вполне согласуется с данными дифференциальной психологии о более выраженной территориальности мужчин по сравнению с женщинами). Кроме того, оказалось, что группы «уверенных» и «депривированных» детей обладают различными личностными особенностями: депривированность у девочек сопровождается усилением возбудимости, беспокойства, чрезмерной реакцией на внешние раздражители, снижением активности и деятельности, общительности, снижением критичности и требовательности к другим, депривированность несколько усиливает немотивированное беспокойство, твердость, суровость. Она усугубляет также и состояние подавленности. У «депривированных» мальчиков наблюдается снижение эмоциональной стабильности, усиление неуверенности, отмечается снижение твердости и мужественности, но состояние подавленности при этом не усиливается.

Таким образом, можно сказать, что «депривированные» мальчики оказываются социально более адаптированными, а у «депривированных» девочек наблюдается снижение адаптированности; у мальчиков депривация личного жизненного пространства способствует появлению фемининных черт, а у девочек — проявлению маскулинности. Эти выразительные результаты, также вполне объяснимые в контексте психологии пола, необходимо учитывать в процессе воспитания детей.

Еще одна серия исследований была посвящена изучению жизненного пространства личности у подростков из семей различной структуры — в качестве примеров рассматривались повторнобрачные и традиционные семьи (в этой серии принял участие 41 человек). Среди детей, живущих в семьях повторнобрачных, 75 % попали в группу «депривированных» и только 25 % — в группу «суверенных», в то время как в традиционных семьях было выявлено 79 % «суверенных» и лишь 21 % «депривированных». Кроме того, было показано, что депривированность жизненного пространства личности связана с более высокой тревожностью и агрессивностью и низкой самооценкой, т. е. сохранность пространства, по видимому, может рассматриваться в качестве одного из условий душевного здоровья и комфорта человека.

Итак, хотя полученные данные носят предварительный, пилотный характер и нуждаются в более статистически весомых аргументах, все же можно заметить, что «психологическое пространство личности» — конструктивное, «работающее» в разных областях исследований понятие, которое может быть предметом дальнейшего изучения. Например, можно говорить о выделении этапов становления жизненного пространства в онтогенезе, о его роли в формировании межличностных (супружеских, родительско-детских, служебных) отношений, об изменении его границ в моменты конфликтов и кризисов, о взаимодействии пространств субъектов, особенно в случаях их зависимости и созависимости. Можно ожидать также, например, что психологическое пространство сначала обогащается за счет персонализации предметного мира и лишь затем социального (приводя к возникновению персонифицированных норм морали, которые также переживаются субъектом как «свои», внутренние). Можно проследить динамику психологического пространства в онтогенезе по изменению поводов для переживания обиды или проявления агрессии, потому что эти эмоции маркируют собой внедрение в значимую область и попытку ее защитить. Все эти направления — «зона ближайшего развития» понятия, его методологического обоснования и эмпирического подтверждения.

Литература

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995.
2. Бубер М. Я и Ты. М., 1993.
3. Валединская О. Р. Материнские возрастные кризисы: кризис «двухлетней мамы» // Сборник трудов студентов и аспирантов МОСУ. М., 2001.
4. Василюк Ф. Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
5. Джемс У. Психология. М., 1991.
6. Ильенков Э. В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М., 1979.
7. Калмыкова Е. С. Внутриличностные противоречия и условия их разрешения: Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 1986.
8. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
10. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). М., 1994.
11. Матвийчук Е. А. Личное жизненное пространство мальчиков и девочек // Сборник трудов студентов и аспирантов МОСУ. М., 2000.
12. Мухина В. С. Возрастная психология. М., 2000.
13. Нартова-Бочавер С. К., Малярова И. В., Несмеянова М. И., Мухортова Е. А. Ребенок в карусели развода. М., 2001.
14. Нартова-Бочавер С. К. Развитие жизненного пространства ребенка в онтогенезе // Стратегия дошкольного образования в 21 веке: проблемы и перспективы. М., 2001.
15. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
16. Тинберген Н. Социальное поведение животных. М., 1993.
17. Чудновский В. Э. К проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» в психологии // Психологический журнал. 1993. № 5.
18. Юнг К. Г. Синхронистичность М., 1997.